17 июл 1965

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ВОЗМОЖНОСТИ

ОДНА из самых характерных черт выступающего сейчас в Москве Горьковского театра драмы — сильный актерский ансамбль, состоящий из разнообразных художественных индивидуальностей. Нет особой нужды пространно говорить о том, что такой ансамбль не создается в течение нескольких месяцев или даже лет, а складывается на протяжении длительного времени. Талантливые, интересные актеры разных поколений разговаривают сегодня друг с другом на горьковской сцене на одном художественном языке.

Это язык, выработанный в процессе постановки пьес М. Горького, из которых только «Яков Богомолов» и «Васса Железнова» не были воплощены театром. Именно в процессе постановки произведений своего великого земляка актеры воспитывали в себе способность не только органически и естественно жить на сцене, но и овладевать всем богатством горьковских мыслей, умением точно и выразительно передавать это богатство, постигать человеческие характеры в единстве сторон социальной и нравственной, раскрывать конфликты, движущие пьесами Горького, в их глубинном, философском содержании.

Это язык, выработанный в процессе постановки наиболее значительных произведений советской драматургии, взращенной на почве горьковского гуманизма и интеллектуализма, таких пьес, как «Любовь Яровая» и «Бронепоезд 14-69», «Оптимистическая трагедия» и «Нашествие», [illegible] друга и других.

Это, наконец, язык, выработанный при постановке пьес Островского, Шекспира, Чехова, воплощаемых театром, обогащенным всем опытом советской действительности, с позиций современности, ее потребностей и задач.

Традициям актерского [illegible] горьковчан [illegible] спренность и ходульность, [illegible] гретое живой мыслью и не про[illegible]ное активным действием докладывание текста, так и забвение емкости, полновесности сценического слова, его эмоциональной насыщенности и выразительности. Мысль, целеустремленная [illegible], окрашенная живым человеческим отношением и человеческим чувством, мысль, принадлежащая данному конкретному человеку и рождающаяся в процессе его общения с другими [illegible], — непременное отличительное качество актерского творчества в этом театре.

Делая самых разных актеров актерами одного, именно данного театра, [illegible] рует [illegible]ские индивидуальности и, наоборот, открывает перед ними разнообразные, необозримые творческие возможности.

[illegible] в спектаклях наших гостей одного из старейших актеров горьковской сцены Н. Левкоева. Актера [illegible] чувствующего себя в горьковских [illegible], как рыба в воде.

[illegible] отметить, что газета «Московская правда» в рецензии М. Бертенсона ошибочно указала, что Н. Левкоев исполнял в гастрольном спектакле «Дачники» роль Двоеточия. На самом деле в этой роли выступил другой старейший мастер горьковской сцены В. Разумов, актер, отличающийся мягкой манерой, не сарказмом, а скорее, юмором, особой внутренней и внешней пластичностью.

К этому же поколению ветеранов горьковской сцены относится и А. Самарина, сочетающая в своем творчестве внутренний эмоциональный [illegible] с внешней сдержанностью и некоторой, я бы сказал, омшеленностью, [illegible].

Крупными [illegible] между собой актерскими индивидуальностями обладает и среднее поколение, несущее сегодня на себе основную репертуарную нагрузку.

[illegible] острую форму, резкую [illegible] характерность В. Кузнецов — актер разноплановый, широкого творческого диапазона. Среди его [illegible] — и злобный мещанин Басов, [illegible] и наслаждающийся сплетней («Дачники»), и тупо-плото[illegible] Каренин, поднимающийся, однако, в сцене у постели [illegible] Анны до [illegible], и [illegible] фашист Хорст, [illegible] человеконенавистничество [illegible] галантностью и мягкой [illegible] («Жаркое лето в Берлине»). И не вызывает сомнений [illegible], как Джой, [illegible] безоговорочно верит ему. А [illegible] назад я видел Кузнецова в роли писателя Новикова в «Палате», [illegible] актер покорял обаянием личности крупной, незаурядной. Создатель ем[illegible], контрастных характеров, Кузнецов [illegible] мастеров горьковской сцены.

Непрерывность мысли, ее напра[illegible] динамику, клокочущую стра[illegible]стность всегда несет такой актер, как В. Самойлов. И это и в образах, ко[illegible], и в тех, что возбуждают ужас, гнев, ненависть, презрение.

Именно [illegible] раздумьем человека, ищущего верную дорогу, самоуглубленностью покоряет самойловский Мартьянов в «Совести». Нимало не ущемляя Мартьянова по части принципиальности и бескомпромиссности, актер избегает для своего героя готовых решений, заранее спрятанных в карман ответов на все случаи и вопросы жизни. Ко всему приходит этот человек, все постигает в процессе ана[illegible] [illegible] борьбы. Рядом с Мартьяновым встречаем мы в галерее самойловских образов шекспировского Ричарда — не просто умного и злобного [illegible], обуреваемого [illegible] злы-

[illegible]ейство. Играя в горьковских «Дачниках» Суслова, Самойлов подчеркивает его злобную воинственность, его человеконенавистничество. Создавая же образ страстного правдолюбца Игната в драме кировчанина Ю. Пе[illegible] «К морю-океану», оттеняет в характере этого человека воинствующую доброту.

Удивительное сочетание острой характерности с тончайшим лиризмом, гротесковой резкости с нежными полутонами акварели обнаруживается в творчестве В. Дворженского. Живое олицетворение садизма и подозрительности, хитрости и лицемерия, беспощадность, облеченная могущественной силой, — так рисует актер фашиста Грейфе в инсценировке повести Ю. Германа «Операция «С новым годом!» И рядом — степенный, умудренный жизнью Старик-крестьянин в толстовской «Анне Карениной», скорбный, несущий на своих плечах бремя тягчайших испытаний профессор Шонхаузер («Жаркое лето в Берлине»), строгий и нежный, [illegible] Павел Игнатьевич Не[illegible] «Сестры Нечаевы».

Оригинальными, свежими и разнообразными дарованиями обладает и женская половина горьковской труппы.

На мой взгляд, невыгодно сложился репертуар последнего [illegible] для такой актрисы, как Л. Дроздова. По крайней мере те спектакли и роли, в которых привелось мне ее увидеть в самый канун московских гастролей (Бетси в «Анне Карениной», Луиза Дейборн в «Жарком лете в Берлине»), лишь незначительно приоткрывают ее творческие возможности. А ведь эта актриса очень интересно [illegible] Валю в «Иркутской истории» — [illegible] заблудшей девчонкой, а [illegible] с нелегкой судьбой, с гру[illegible] самой собой; Нилу Снижко в «Барабанщице» — строгой, самоотверженной, аскетически суровой по отношению к себе; Женщину, которую Он любил в «Четвертом» — глубокой, настоящей...

[illegible] образах, создаваемых Л. Дроздовой, всегда или почти всегда присутствует момент поверки алгеброй гармонии, то в творчестве Р. Вашуриной преобладает стихия чувств — затаенных и одновременно вздыбленных. Никогда не забуду, как несколько лет назад плясала Лариса — Вашурина в «Иркутской истории» на свадьбе у Валентины. Столько было в этой пляске нерастраченной страсти, огня, так выплескивалась в ней несостоявшаяся женская судьба, что становился понятным тот внезапный порыв чувств, который овладевал Сердюком. И сейчас, играя повариху Груню в спектакле «К морю-океану», Вашурина снова говорит о несостоявшейся женской судьбе, а еще точнее — судьбе человеческой, и о том, что человек этот напрасно и несвоевременно, непременно распрямится, отыщет свою дорогу, обретет свое место в жизни. В инсценировке романа П. Мельникова-Печерского «На горах» Вашурина играет роль Манефы, тоже подчеркивая [illegible] души этой заживо похоронившей себя женщины.

Олицетворение женственности и благородства — Анна Каренина в исполнении Э. Сусловой. И она же играет мещанку Наташу в «Совести», стремясь не просто осудить Наташу, подчеркнуть ничтожность ее духовного мирка, но и вскрыть как истоки ее нравственного оскудения, так и те ее черты и качества, которые заставили в свое время Мартьянова соединить с ней свою судьбу. Елена Нечаева («Сестры Нечаевы»), Варвара Михайловна («Дачники»), Джой («Жаркое лето в Берлине») — во всех этих образах, сохраняя характерную индивидуальность каждого, актриса стремится подчеркнуть в них энергичность натуры, способность к сопротивлению обстоятельствам жизни.

Мне [illegible] ансамблем. И нельзя хотя бы не упомянуть таких интересных мастеров горьковской сцены, как Т. Рождественская и Р. Юренева, А. Горянская и Г. Демина, Н. Хлибко и М. Зинин, Б. Костин и Н. Волошин, В. Вихров, С. Петрунина, Г. А. Па[illegible], М. Я[illegible]...

Нельзя не сказать и о том, что в театре появилась талантливая молодая поросль, успешно овладевающая тем художественным языком, на котором разговаривают представители старших поколений. Перевоплощение — вот путь, по которому вслед за [illegible] Е. [illegible], М. Кулакова, В. Ма[illegible]...

Наличие крепкого, [illegible] актерского ансамбля само по себе еще не исключает возможности появления средних спектаклей, слабых или неточных актерских работ. Данная выше характеристика некоторых актерских индивидуальностей имеет своей целью лишь подчеркнуть возможности талантливого коллектива, уточнить направление, на котором эти возможности наиболее плодотворно и [illegible] могут быть реализованы. Художественный же уровень спектаклей [illegible], когда незадолго до начала московских гастролей я смотрел [illegible] в Горьком, еще не подчищенных и не подправленных, в их, так сказать, повседневном, будничном виде [illegible] признать совершенным.

Вот, к примеру, спектакль «Ричард III». Смотришь его и восхищаешься талантливым, мастерским оформлением В. Герасименко. Образ вороньего крыла, словно бы закрывающего мир, — образ емкий и точный. [illegible] в фрагментах из произведений И. Стравинского, Б. Бриттена и Р. Леденева, сопровождающих действие, [illegible] звучит тема вороньего [illegible]. Что же касается актерского [illegible] одного актера: в нем [illegible]